

Александр ПЕРЕСВЕТ

РУССКИЕ ДО СЛАВЯН

Неведомая Русь

Александр Пересвет

Русские до славян

«ВЕЧЕ»

2017

Пересвет А. А.

Русские до славян / А. А. Пересвет — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4484-7118-6

В книге «Русские до славян» приводится цельная и непротиворечивая, насколько возможно, по последним научным данным картина возникновения и первых миграций современного человечества. Представлен комплексный обзор начальной человеческой истории: возникновение людей современного биологического типа, контакты и взаимодействие их с другими видами древних людей – питекантропами, неандертальцами, денисовцами и пр. Используя данные климатологии и антропологии, геологии и лингвистики, социологии и даже криптоистории, автор проанализировал возникновение целого ряда генетических гаплогрупп, миграции человеческих популяций, формирование языков, развитие социальных отношений, появление исторических обществ. Данную работу можно определить как первое связанное и комплексное исследование первобытной истории человечества на современном научном уровне.

ISBN 978-5-4484-7118-6

© Пересвет А. А., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Археологически культурные сообщества	8
Глава 2. Новая волна переселения	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Анатольевич Пересвет

Русские до славян

© Пересвет А.А., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Я назвал его дедушкой Хёгни. Как-то же надо было его назвать – моего шведского предка, неведомо каким путём затащившего свою Y-хромосому в деревню Колетино Кадомского района Рязанской области. Оттуда я по роду отца, хоть и был там в последний раз только в детстве.

Почему швед? Потому что, согласно данным анализа моей ДНК, моя Y-хромосома отмечена чисто шведским маркером – 1a1b3. Подобные встречаются в Южной Швеции и вокруг Стокгольма, где, что интересно, и располагались два самых древних цивилизационных ареала в Скандинавии. Исключая, правда, Данию, куда человек пришёл несколько раньше.

Задумавшись, откуда взяться шведу в глухом уголке национально русского ареала – дальше уже начинаются исторические земли мордвы и прочих нерусских этносов, – я понял, что не нахожу этому факту объяснения. До начала XIX века, насколько удалось проследить, весь мой род по отцу был строго русским. Места эти настолько глухи, или, вежливо скажем, почвенны, что ещё в начале 1960-х годов от Сасова до Кадома люди ездили на телегах, а через реки переправлялись не по мостам, а на паромах. И просил бы молодых патриотов сдерживать свой гнев на этом месте – я это лично пережил, это меня, маленького, так возили в деревню к сестре бабушки.

В общем, до 1970-х годов, когда эти 40 километров можно было уже преодолеть на автобусике Павлоградского завода 4 часа, шведу до этих мест было просто не добраться. Впрочем, это было бы всё равно бесполезно – мой дед родился в 1899 году, и в нём уже была эта самая шведская хромосома.

А до того тем более шведу там появиться было неоткуда. Для залётного – уж больно экзотическое путешествие получается, а ещё какой там мог оказаться? Пленный, захваченный в Полтавской битве? Нет, пленных шведов Пётр I привлекал к народно-хозяйственным работам, где нужнее было, – Петербург строили или тогдашнее издание Беломорско-Балтийского канала рыли.

Прежние войны со шведами? Нет, если б то была Новгородская область – без вопросов. Но Рязанская – при царях Тамбовская?

Так что единственный вариант, что приходит в голову, – это времена древние былинные. Когда по рекам здешним, в том числе и рекам Мокша, Лиса и другим, ходили люди, называвшие себя русами, говорившие по-скандинавски и пробавлявшиеся в основном посредническим бизнесом. То есть покупали, а чаще отнимали пушнину у местного населения Восточно-Европейской равнины, отвозили её в Булгар, Хорезм или на арабский Восток. Не брезговали и живым тором разжиться. Человеческим, имеется в виду. Те же арабы об этом пишут: не сеют-де, не пашут те русы, а ездят-де по рекам, охотятся на славян и продают их потом в качестве рабов. А что, большой бизнес был: уже в летописное время князь Святослав в качестве составной части экспортного потенциала Руси называл так называемую «челядь». Иначе говоря – рабов.

А ездили те русы по рекам. Ибо в том одном сплошном лесу, какой стоял тогда на Русской равнине, они были единственными дорогами. Других просто не было.

Но какая бы дорога ни была, она непременно предусматривает стояночные пункты, станции технического обслуживания, точки питания, места для ночлега. Разумеется, такие пункты были и во времена первых русов. И вокруг них по всей экономической, человеческой и исторической логике не могли не собираться разные местные пассионарные элементы. Ну, как водится, девушки с пониженной социальной ответственностью, бедовые юноши, которым хотелось чего-нибудь поинтереснее, нежели всю жизнь за плугом да бороною ходить, мастера-ремесленники, желавшие за труд свой не мешок редьки получить, что только и возможно было

при деревенском натуральном хозяйстве, а серебришко звонкое. Наконец, сюда должны были устремляться охотники с пушниной или, что скорее, торговцы с мехами.

И получался в итоге этакий торгово-ремесленно-ремонтно-складской центр, ориентированный на обслуживание русов как транзитных путешественников с деньгами. И вот в этом разнообразном социуме должны были эти самые путешественники и хромосомы свои рассеивать. А то и сами оставаться. По ранению, из-за ссоры с товарищами, а то и зазнобушка какая заманила глазами медвяными, мерцающими...

И вот любопытно, что как раз возле Кадома раскопан целый ряд городищ того самого времени. И предшествующего. Что ясно сигнализирует через века: места эти были чем-то удобны в те времена и не очень и глухи. И древнерусские находки там есть.

Не будем пока вдаваться в глупые споры, кто были русы по национальности. Потому что просто не было тогда национальностей. Родами люди жили, а своим народом считали тех, кто говорит на таком же языке. Но и народ был на два порядка ниже рода. Если вообще присутствовал в понятийной системе. Под родом была община одного поселения, а под общиной – задруга, «пятно» из нескольких близких поселений общин. Причём именно не «над», а – «под». Это мы сегодня считаем всех «над» – коллектив, народ, государство. Потому что олицетворяем это всё с властями, а власти всегда – «над».

А в те годы властей не было. Максимум – приходили раз в год сборщики дани. Но они были больше похожи на продотряды времён Гражданской войны: своё положенное забрали, что мужики поднесли – выпили и отбыли себе в дали неведомые. Куда-то далеко, к князю. Какому – а кто его знает, да и надо ли?

Вот и найдите в этой схеме общественного устройства место для народа, нации, патриотизма и жгучей боли, что Рюрик не назван в летописи славянином, а назван русом, а тех приравняли к варягам, а варягов поместили среди скандинавских народов. До таких высот патриотизма тогдашний народ не поднимался.

Но как бы то ни было, археология, которая видит много скандинавских следов на Руси, да к тому же элитного свойства находки, история, в которой остались русские названия Днепровских порогов, в которых и сегодня услышит знакомые смыслы любой владеющий скандинавскими языками, сами древние авторы, отличающие русов от славян, – всё это позволяет корректно сказать, что хотя бы часть русов происходила из Скандинавии.

А теперь вот: неизвестно откуда взявшаяся шведская гаплогруппа в моём чистокровнейшем – и по роду матери тоже одни русские прослеживаются – русском организме.

И чтобы выяснить все ответы на эту загадку, я решил просто и незатейливо, чисто механически пройтись вдоль всей генетической истории этой гаплогруппы, чтобы понять, какими путями она попала в заметную часть русских мужиков деревни Колетино. В предыдущей работе «Русские до истории» действительно прошёл по совсем седым, доисторическим временам. Выяснил, что тогдашние дедушки мои имели много общего с нынешними, точнее, классическими, не отравленными цивилизацией, бушменами, жили, было дело, и в образе пигмеев, встречались с неандертальцами, переняв у них каменные технологии и само понятие о цивилизации. Дальше жили она на дне Средиземного моря, которое тогда было гораздо ниже нынешнего уровня и представляло собою ряд озёр, вроде нынешнего Каспийского. Здесь пережили ледниковый максимум, когда перемёрла масса народа, а неандертальцев всех съели. Затем, когда в рационе своём переключились на северного оленя, пошли за ним при потеплении, вслед за отступающим ледником, занимая Европу по-новой и становясь в ней преобладающей генетической группой. Кто оставался на месте, кто-то так и дошёл до Северного Ледовитого океана, где сегодня сохранился в облике и в крови саамов-лапландцев...

Впрочем, вот тут я забежал вперёд. Та история прервалась как раз на временах последнего ледникового максимума – действительно самой лютой эпохи если не в истории всей Земли, то уж в истории человечества точно. Ну а теперь – идём дальше?

Глава 1. Археологически культурные сообщества

У нас сегодняшних, объединённых в немыслимое число разных структур – от государственных и национальных до клубов любителей кошек или тушканчиков, – представляет почти непреодолимый соблазн считать древних людей тоже объединёнными в какие-то подобные структуры.

Скажем, имеется понятие археологических культур. И по умолчанию, инстинктивно даже, понимается, что в археологической культуре представлена некая квазигосударственная или уж, во всяком случае, племенная общность. Из работы в работу по истории кочует это вот – «представители такой культуры продвинулись туда-то» или «делали то-то». То есть им скомандовали, и они пошли. Или они собрались, решили и пошли.

На самом деле такого не было. Нет, то есть тушканчиков кто-то явно любил. Если удавалось поймать. Гурманов тогда было не большинство, а большинству и тушканчик годился на жаркое. Но эти любители не были объединены в некое сообщество. Как не были объединены в сообщество любители оббивать камни особым образом или шлифовать каменные топоры кварцевым песком. Они просто так делали. А в какие общности при этом объединялись, не имеет никакого отношения к технологиям, по которым, собственно, и определяются археологические культуры.

Сейчас, с появлением понятия о гаплогруппах, то же преставление о некоем объединяющем их носителей начале распространяется на них. Даже и в этой работе это звучит постоянным рефреном, хотя я регулярно – прежде всего сам себя – стремлюсь вернуть к пониманию, что гаплогруппа – не этнос, не народ и не племя. Это просто научная абстракция, органам чувств недоступная, говорящая о том, что у таких-то людей когда-то был общий предок.

Поэтому про гаплогруппу как про некоторый объединительный признак мы говорим тут только удобства для. На деле объединительный признак один – мелкая помета на хромосоме, которую никаким органами чувств не определишь и не выделишь. Чай, не цвет кожи.

Разве что в самом начале истории сапиенсов можно говорить о некоем относительном совпадении понятий отдельного сообщества и гаплогруппы. Это было тогда, когда из немногочисленных первобытных сообществ выделялись и уходили ещё менее многочисленные первобытные стада, связанные именно кровнородственными узами. Грубо говоря, родами. Причём во главе их стоял некий лидер или группа родственных лидеров, имеющих преимущественное право покрывать всех самок. Но, повторюсь, говорить об этом можно, лишь касаясь относительно недолгого периода. Ибо с первого момента своего выделения сообщество-гаплогруппа тут же начинает а) распространяться, размываясь и б) размываться, принимая чужих мужчин.

Но и в этом случае связывала людей не гаплогруппа. Она была следствием – следствием родства. Точнее, даже не следствием, а признаком. Гаплогруппа – это люди, имеющие более дальнего ли более близкого общего родственника, чьи отметки на хромосомах они носят на хромосомах своих. А в жизни они могут быть не просто не родичами, но представителями населения разных континентов, наций и даже рас.

Людей связывало то же, что связывает сегодня, – общественные отношения. Положение в структуре общества. Или, соответственно, разделяет. И потому и в самое древнее время люди существовали в относительно компактном составе своей гаплогруппы не потому, что их тянула друг к другу отметка в хромосоме, а потому, что состояли в какой-то форме общественного объединения. В какой же?

Давайте возьмём некую свежесформировавшуюся гаплогруппу в её первоначальном агрегатном состоянии. То есть в движении от прежней своей общины – не важно, за горизонт ли или за тушканчиками. И в каких общественных формах двигались начальные гаплогруппы?

Из того, что мы видим сегодня в первобытных сообществах, можно с известной долей уверенности предположить, что в этих формах присутствовало:

- а) вождество (в том числе старейшинство и/или шаманизм);
- б) равноправие взрослых мужчин-охотников воинов (исключая вождя/старейшины/шамана, который, однако, перестаёт таковым быть, как только – «Акела промахнулся»);
- в) обычайная, следовательно, очень жёсткая дисциплина, но не перед людьми, а перед обычаем, традициями, установленными правилами и табу.

Назвать это племенем? Не поворачивается язык: настоящие племена появляются уже чуть ли не в историческое время. Группой? Слишком расплывчато. Родом? Пожалуй, но это должно было быть существенно побольше рода, чтобы оставить после себя целые континенты своих потомков. Поэтому меня подмывает для таких сообществ ввести понятие «стадо». Или ввести в понятие «стадо» дополнительное значение.

А что? Тогда у нас и получается непротиворечивая картина. Есть некое, ничем, кроме инстинктов, рефлексов и обычаев не управляемое сообщество взрослых мужчин. Оно предводительствуется сравнительно небольшой группой авторитетных взрослых вожаков, родовых лидеров, во главе которых – самый взрослый и авторитетный. Эти мужчины ведут с собою женщин и детей, защищая их, но и управляя ими. Самым естественным образом преимущественное право на женщин распространяется на вожаков, причём женщины не только не против этого, а сами стремятся к спариванию в первую очередь с ними и радуются, когда это удаётся. Ибо их будущее обеспечено, и с детьми. И до сих пор этот инстинкт безусловно ведёт женщин по жизни.

В таком стаде могут участвовать и мигрировать мужчины из сторонних гаплогрупп – присоединившиеся добровольно или же втянутые в наше стадо в ходе его движения. Но в описанных условиях они неизбежно оказываются на, так сказать, сексуальной периферии, и их генетическое потомство достаточно скоро просто забывается широко размножающимся потомством вожаков. Или, фигурально будь сказано, «гапловожак». Так что в итоге в конечную точку миграции стадо приходит как бы не в более «чистом» гаплогенетическом составе, нежели уходило. Если, конечно, не рассеивалось по пути, распадаясь на локальные стада, которые вскоре начинают нести уже свои отдельные отметки на хромосомах.

Впрочем, это детали. Вещи всё равно недоказуемые. В любом случае мы имеем дело с тем, что даже в тот, самый ранний, период существования гаплогрупп в их быстро расплывающемся единстве жизнь людей обеспечивалась некоей формой общественной организации.

Но то же касается и археологических культур. Да, сама приверженность тем или иным технологиям говорит об известной связности обществ, в которых используются эти технологии. Но тут не случайно употреблено множественное число: одни и те же технологии могут использоваться не одним обществом. Более того, они могут использоваться враждебными по отношению друг к другу сообществами! Условно говоря, если археологи будущего раскопают на территории России большое количество немецких автомашин, это не будет означать проживания здесь германского этноса.

Но в то же время развитие и тем более распространение какой-то археологической культуры может свидетельствовать о некоем доминировании того или иного сообщества на той или иной территории: оно или навязало свою культуру, в том числе путём завоевания, или стало примером для окружающих в культурном отношении. То есть об этносах на этой базе говорить ещё рано – на десяток тысячелетий, – но та или иная археология уже становится признаком той или иной общности. И, значит, по движению технологий можно судить и о движении людей. А также пытаться связывать археологические культуры с преобладающими в той же местности гаплогруппами.

Это всё имеет прямое отношение к фиксируемой в Европе последней, по сути, первобытной охотничьей культуре – *мадленской*.

Появление этой культуры связано с потеплением после пиковой фазы Вислинского оледенения и уходом ледника, хотя первые её признаки появлялись в Испании ещё 18 тысяч лет назад.

Чем она характерна, эта культура? Большею технологичностью, детальностью, лучшей техникой. Преобладают ещё кремнёвые резцы, скребки, но уже начинается переход к микролитам, то есть мелким орудиям труда из камня. Поднимаются технологии обработка кости. Высоко развивается искусство – не только уже целые «полотна» на стенах пещер, но и большая номенклатура резных изображений и скульптур на роге и кости. Вот среди этих вещей мы и находим предметы уже безупречно абстрактные, не имеющие утилитарного назначения, но нужные, чтобы что-то обозначать. Впрочем, не что-то, а вполне конкретные вещи – статус и положение в обществе. Иными словами, информация, которая уже отрывается от конкретного источника и становится сама по себе инструментом в формировании общественных отношений.

Иными словами, если раньше количество медвежьих зубов на верёвочке говорило о заслугах конкретно этого охотника, то теперь появляются специальные личные украшения, информирующие о социальном статусе человека, уже явно оторванном от его личных заслуг. А то и вовсе – чисто статусные знаки, в виде, например, «начальнических жезлов», украшенных художественной резьбой.

Таким образом, мадленская культура характеризуется уже несомненными следами социального разделения, власти, ставшей над обществом, всё более узкой общественной специализации.

А ещё мадленская культура даёт поводы понаблюдать за эволюцией человеческой популяции в Европе как раз во время тех движений ледников, о которых велась речь в предыдущей книге. Материал для этих наблюдений дают результаты исследования женских, митохондриальных ДНК.

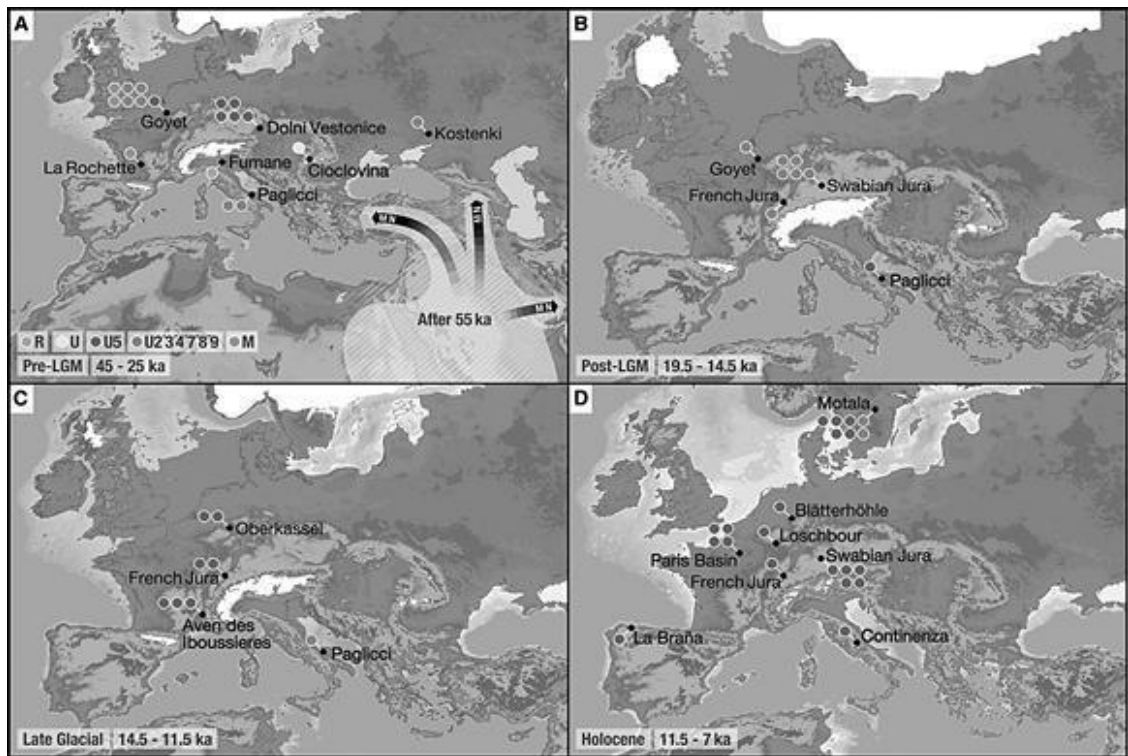
На картинке справа (стр. 13) мы видим, что действительно с Ближнего Востока в Европу миграционный поток заносит представительниц разных субкладов гаплогруппы U. Некоторую долю, но не самую большую, среди них представляют носительницы U5. Что дальше? Во время пика оледенения в европейских тундростепях несут свой долг перед мужчинами и семьями в основном женщины с метками U, кроме U5. Те, как видим, жмутся ближе к мужчинам – носителям гаплогруппы I. Потом, когда ледник отступает и начинается Аллерёдский интерстадиал, эти дамы поднимаются на север вслед за, надо полагать, теми же мужчинами I. Наконец, после ужасов ледниковья эпохи так называемого молодого дриаса мы видим их расселившимися по всей Европе. И – как говорится, «совпадение? Не думаю» – мы видим доминирование в Европе и мужчин I.

Но ещё более интересную картину даёт нам следующая иллюстрация (стр. 14).

По ней очень хорошо видно, что человеческая популяция вовсе не с приветственными транспарантами встречала наступление новых и новых ледников. Во время противоречивого, но в целом тёплого климата эпохи 44 тысяч лет назад и до наступления Вюрма III население постепенно растёт, пока не обваливается этот проклятый пик Вюрма III/Вислы/Валдая, и масса народа просто банально мрёт. Но что интересно – заметно сокращается как разнообразие, так и количество носительниц митохондриальных ДНК.

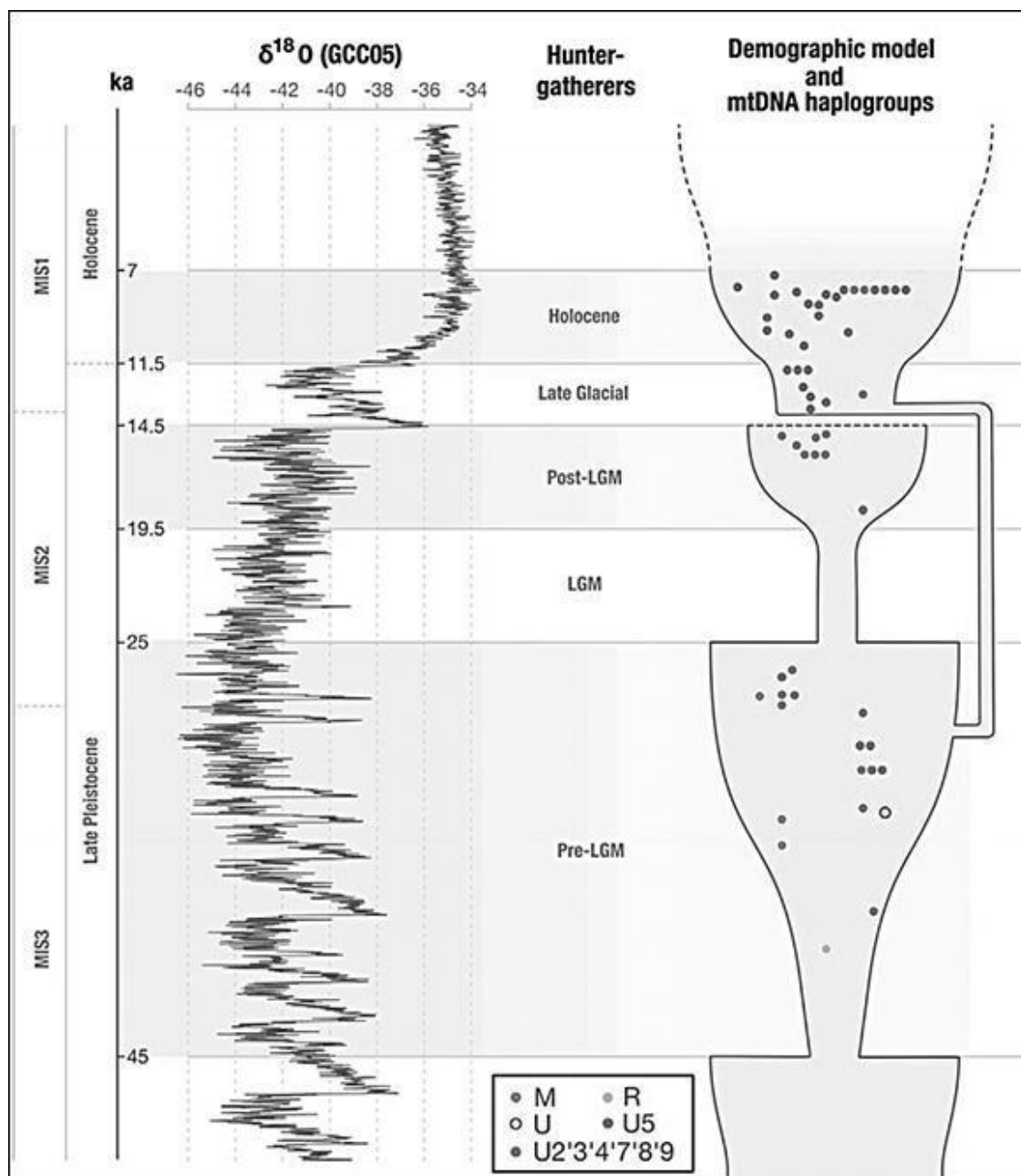
Затем то же самое повторяется во время дриаса: вообще демографический коллапс среди женщин и затем – полное господство в популяции дам с U5.

Что это означает, я сформулировать не решаюсь – представлю толкование авторам исследования:

Распространение археологических стоянок и мт-гаплогрупп охотников-собираателей

В целом ранние фазы потепления в последней ледниковой эре строго ассоциированы с заметными демографическими изменениями, включая вымирание большинства представителей мегафауны и первую экспансию современных людей в Америки. Что касается европейских охотников и собирателей, наша модель наилучшим образом объясняет этот поворотный период через замену женской популяции постледникового периода другой из другого источника (another source). Хотя точное происхождение этой позднейшей популяции неизвестно, демографическая история (рис. 3 и 2B на рис. С2) предполагает, что она исходит из другого, отдельного убежища (refugium) во время последнего ледникового максимума. На базе только мтДНК мы не можем исключить некоторой степени геномной непрерывности в популяции охотников-собираателей на протяжении позднего плейстоцена и раннего голоцена и до сегодняшних европейцев. По этой причине мы интерпретируем нашу модель скорее как получение знака большого популяционного сдвига в женском населении, нежели полной его замены. [211]

Демографические «бутылочные горлышки» находятся в прямой связи с наступлением ледниковых периодов. Обратим также внимание, как последнее ледниковье пережили женщины гаплогруппы U5

В общем, если всё же решиться принять незаслуженную хулу от прекрасной половины человечества, из этого описания рождается ещё одно непротиворечивое дополнение к той гипотезе, что в образе «палеолитических венер» мы видим статуэтки тогдашних Лениных женского пола. То есть вождиц и/или шаманок. Не исключён и второй вариант: что в этих изображениях мы видим возвеличивание потенциальной кормовой базы на случай сложных времён. Чемпионки породы, так сказать. Усвоением которых можно отдалить гибель племени от голода.

Нет, тут, конечно, напрашивается очень существенное возражение: носителями мтДНК являются как женщины, так и мужчины. Передвижение материнских гаплогрупп не означает, что речь идёт о миграциях именно женщин. Как и – успокойся, сердце! – сокращение их носителей не означает, что подыедали в трудные времена лишь прекрасный пол, сделав перед тем статуэтку на память. Сокращались в числе все.

Вот именно. Потому я и веду речь о демографических ямах и коллапсах. И тёмными вьюжными ночами чавкали благодарно у костров не только бабушками, но и дедушками. Но! И мужчины несут митохондриальную ДНК по той причине, что получили её от мамы. И значит, если не сокращение общего поголовья, то смена генетической идентификации среди женщин говорит всё же о том, что резко заменился именно материнский корпус. И действительно, после 15 тысяч лет назад мы наблюдаем тотальную замену прежних носительниц разных U (возле мужчин I наблюдались их матери U8 в основном) на прежде всего носительниц U5.

Это, в свою очередь, хочешь не хочешь, но связывается с позднейшим доминированием в Европе мужчин I. В генах которых мы обнаруживаем, за редким исключением, материнский вклад от дам гаплогруппы U5.

Непротиворечивый вывод напрашивается такой: во время яростного и, главное, неожиданного последнего дриаса человеческое поголовье в Европе сильно подсократилось. Особенно сильно пострадала женская его часть. Более или менее благополучно это время пережили горцы происхождения из I. Потому что обитали в относительно тёплых средиземноморских и альпийских долинах и предгорьях (вспомним про такое же «убежище» на Балканах). Оттуда они и начали своё наступление, в ходе которого обменивали или отнимали женщин у «понаехавших» и продолжали свой путь уже с этими новыми подругами и, главное для генетической генеалогии, с матерями.

Но почему, кстати, наступление своё повели именно на север? Не легче ли, чем в тундре горе мыкать, – в лесу нормальном охотиться? Мало зверья, что ли?

Между прочим, не так прост вопрос, как кажется. На самом деле – и об этом идёт речь в книге «Русские – не славяне?» – лес вовсе не предоставляет такого уж богатства выбора. Вспомним: огромная сибирская тайга – пустая! На всей гигантской территории – сущие копейки аборигенного населения! А из того, что есть, наиболее успешную группу представляют собою якуты, изгнанные некогда с монгольского юга. А они у нас кто? Да, конечно, скотоводы. И буряты – скотоводы. И юкагиры. Единственные, кто больше занимались охотой, нежели скотоводством, – эвенки. Так их численность – 37 тысяч – сама и свидетельствует об экономической эффективности этого промысла, когда в руках у тебя не двустволка тульская, а лук да копье.

Или вспомним наше Смутное время, которое началось с того, что три года не было лета, а значит, и урожая. В результате вымерло до полумиллиона человек, а к остальным было только поднести спичку, как полыхнут от безбудущности и отчаяния. Они и полыхнули – аж до разрушения государственности дело дошло. А теперь вопрос: а что мешало, собственно, в лесах пропитания добывать? В реках? Вон, в Музее Москвы косточка есть от рыбки (кажется, белуги) – под 5 метров размером зверюга в самой Москва-реке плавала! А сколь зверья должно было по лесам необозримым бегать?

Может, и много. А может, и мало. А главное – как добыть-то его? Мишку – поди завали. Без ружья если. Он сам кого хочешь завалит. То же и кабанчика касается. Волка – ага, выследи его да поймай! Как и лисичку. Зайчика? Ну, в силки он, может, и попадётся, да только какая с него еда. Да, есть ещё лоси и олени. Только поди подберись к ним в лесу на расстояние, когда деревья полёту стрелы не помешают! Вот и остаётся разве что птица разная. Так с неё какой прокорм?

И совсем иное дело – мамонта по ножкам резанул кремниевым остриём и питайся им месяц всею общиной! Или олешков, которые стадами несметными ходят, – какого-нибудь да подстрелишь или поймаешь всегда. А зайчики да птички для мальчишек, будущих охотников потренировать, – так этих зверей и тут в изобилии, в лесотундре близледниковой.

Так что народ в Европу и на север её вовсе не за экстремальными турами по льду устремлялся. А за богатым животным миром приледниковой тундростепи, на который охотиться было не в пример экономичнее, нежели за обитателями лиственного леса. И в другую сто-

рону устремлялся народ – в степи, где табуны несметные лошадок да стада туров-зубров-бизонов-антилоп разных скитались по траве сладкой. Оно, кстати, и в Африке то же правило действует – основные цивилизации местные всё больше саванну эксплуатировали, а вот в лесах тропических место в основном для пигмеев и оставалось.

Таким образом, люди группы I, которые устремились на север, не агрессии ради интервенцию свою устроили, а в поисках ниши для пропитания. Не забудем: к тому времени все прочие лесные, предгорные, долинные и прочие охотничьи места были уже расхвачаны и населены. Тут, конечно, не без геноцида случалось, но выбивание прежнего населения было всё равно всего лишь паллиативом – кормовая база-то шире не становилась. Вот подъял ты носителей гаплогруппы C, да с подружками их. А дальше-то что? А на север, за зверем массовидным, оленем – раз уж мамонты вымирать наладились!

И вот на примере мадлена мы видим, как по мере отступления ледника её носители продвигаются на север Европы. Или, если рассматривать человеческую историю в виде метаистории развития информации, то сама культура продвигается на своих носителях-людях. Это продвижение можно проследить как раз по мадленским материалам.

Оно идёт тремя путями – с юго-запада, от Испании и юга Франции, с Альп и с юго-востока, из «Балканского убежища».

Человека с Y-хромосомной гаплогруппой I мы видим на стоянке Burkhardtshöhle в Швабских Альпах, как раз на северной их границе, где изрезанный ущельями горный массив переходит в предгорья. Местные экскурсоводы рассказывают про некую костяную флейту возрастом 35 тысяч лет. Может, и привирают, но в любом случае здесь хорошее место для стоянок в каменном веке – невысокие (самая высокая точка Швабских Альп – гора Лемберг, 1015 м), но богатые лесом и зверьём горы, много рек, а главное – удивительно хорошо защищённое от морозных ледниковых северных ветров место. Тем лучше жилось тут тому прадедушке Хёгни, что остался здесь после смерти около 15 тысяч лет назад. А жил он в культуре мадлен.

Ещё два мадленских человека жили спустя полторы тысячи лет (между 13 300 и 14 000 лет назад) немного севернее – в районе нынешнего Бонна возле Оберкасселя. Это женщина лет 25 и мужчина лет 45–50. Материнская ДНК здесь – U5b1 у обоих. Правда, разные мутации. Жаль, но принадлежность по Y-хромосоме не определена.

Именно в этих случаях впервые видно, как археологическая культура продвигается вместе с её носителями, в то же время соприкасаясь краями с другими культурами и вызывая, следовательно, трение и взаимодействие с их носителями. При этом то поглощая соседей, то меняясь под их давлением. А то поглощая и всё равно меняясь под влиянием перевариваемого. Не исключено также, что и – разделяясь на подкультуры в зависимости от природных условий и изолированности сообществ, их носителей. Нередки и примеры, когда такие подкультуры становятся фундаментом новых, уже независимых от материнской культур.

Так, к примеру, кое-кто относит выложенные рядом с парочкой из Оберкасселя инструменты к культуре *федермессер*. Но это непринципально: культура раньше считалась просто *азильской*, а азильская, в свою очередь, считалась *позднемадленской*. Главное, что мы видим, как стали множиться в Европе археологические культуры. А со временем развивались и преобразовывались – на радость археологам, которые получают возможности вносить свои имена на скрижали истории, объявляя новый рисунок на керамике свидетельством никем невиданной культуры. Имеется такой соблазн вписать своё имя в историю науки, признаем это. С другой стороны, вроде и полезно – потренировать студентам мозги на запоминании археологической номенклатуры, которая для их же преподавателей была в их время в три раза короче...

Но как бы то ни было, в рамках розыска следов моего прадедушки нам интересны следующие, которые были частично развитием, частично параллелью к предыдущим. Ничего, кстати, удивительного, хоть действительно частенько запутывает даже археологов, а уж в гражданских умах производит полный хаос. А дело всё в том, что даже переключение молодёжи с одной

субкультуры на другую вовсе не отменяет концертов в филармонии для старшего поколения. А переход бандитов на «бэхи» в начале 90-х не ликвидировал «жигули» у пенсионеров.

Точно так же этот пресловутый федермессер одновременно и продолжает, и наследует, и отходит в сторону от мадлена. То же происходит с другими культурами. И потому есть смысл построить примерную линейку-дерево этих культур во времени и в пространстве.

Мадленская культура процветает после окончания самой тяжёлой стадии оледенения и по время отступления ледника. По окончании ледникового периода она сменилась азильской, хотя и в различных её вариантах на севере Европы, в Северной Испании и на юго-западе Франции.

То есть азильская на деле – поздняя мадленская. И почему-то азильские орудия и искусство – более грубые. Искусство вообще уходит в абстрактные рисунки. Зато возрастает количество микролитов. То есть развитие пошло вширь, а не ввысь-вглубь. Технологии ушли в массы?

В принципе, наверное, так и было: после «бутылочного горлышка», получившегося из-за падения численности человеческих популяций во время оледенения, в улучшившихся условиях для жизни пошло бурное размножение. А массовое усвоение культурных ценностей ведёт обычно к их распространению – но и упрощению.

Как носителя азильских технологий определили обитателя Бишонского грота в Швейцарии (13 560–13 770 лет назад). В подтверждение «горской» версии бытования людей гаплогруппы I у этого, как его называют, «охотника на медведей» была обнаружена субгруппа I2a, а митохондриальная гаплогруппа – опять U5 в субкладе U5b1h. Относительно близкий сосед человека из Буркхардской пещеры и родственник по матери паре из Обекасселя.

Таким образом, мы видим вариации мадленской культуры в далеко не явной зависимости от географии и времени. Значит, не будем множить сущности (и далее так и будем поступать в этой работе), а просто примем как данность: разные виды мадлена существовали до 10 тысяч лет назад, когда постепенно из него и сквозь него начала прорастать культура *совтер* (Sauveterre).

Оговоримся, впрочем: где-то параллельно с позднемэдленскими культурами существует с 11-го до 9-е (не включительно) тысячелетия назад на территории нынешней Польши, заходя в Прибалтику аж до Псковщины, интересная для наших будущих размышлений *свидерская культура*. Её образовали тундровые охотники – те самые, о которых шла уже речь, – то есть охотники на северного оленя. Они жили на временных стоянках на берегах рек, озёр, часто на дюнах. То есть рыбкой тоже не брезговали.

Свидерская культура синхронна культурам федермессер и аренсбургской. И исчезла примерно вместе с ними – очевидно, из-за разных климатических изменений первых периодов голоцена – пребореального и бореального. Появились люди – вообще, и свидерские, и параллельные им западные – здесь, на берегах тогдашнего Иольдиевого озера, которое в то время представляло собою нынешнее Балтийское море, в пребореальный период, сменивший поздний дриас, что лютовал 12 850–11 610 лет назад. Тогда прежняя, покрытая тундрой Европа подверглась практически мгновенному тепловому наступлению: в течение всего 20–40 лет температура повысилась на 6 градусов Цельсия[2]. И вообще эпоха была характерна резкими температурными всплесками, хотя в целом было холоднее нынешнего.

В этих условиях очень синхронно с потеплением существовавшее во время дриаса Балтийское ледниковое озеро около 11 600 лет назад было сброшено в океан через открывшийся канал стока воды. Уровень упал на 25 метров, что в тамошней плоской местности привело к осушению громадных территорий. Заметим – всё ещё возле тундры, в то время как на юге древесная растительность благодаря потеплению стремительно начала отгрызать от тундры кусок за куском. Естественно, сюда потянулись тундровые олени, а за ними – и люди.

На месте озера появилось Иольдиевое море, уровень которого – вкуче с тогдашним всё ещё низким уровнем Мирового океана – лежал на 50–52 метра ниже современного. То есть места для охоты возникло – завались!

Здесь у нас возникла 13 тысяч лет назад *аренбургская* культура кочевых охотников-собирателей, чьей наиболее важной дичью был северный олень. Жили эти люди от запада Польши на запад до примерно Англии, но основные их центры находятся ныне на дне Северного моря, там, где ныне Доггер-банка. А в те времена это была роскошная тундростепная равнина, которую называли Доггерленд, и это понятие будет ещё встречаться в нашем повествовании.

Согласно этой теории, до начала первого оледенения современного плейстоцено-голоценового ледникового периода река Рейн текла на север по дну будущего Северного моря. Предполагается, что кайнозойские отложения ила в Восточной Англии представляют собой древнее русло Рейна. Уилд был вдвое длиннее нынешнего и простирался через современный Дуврский пролив; современная область Булонне представляет собой остатки его восточной оконечности. По мере оледенения скандинавский и шотландский ледники встретились и образовали гигантскую ледяную дамбу, позади которой образовалось крупное прогляциальное озеро, в которое впадали реки и вода от таяния льдов большей части Северноевропейского и Балтийского бассейнов. Постепенно вода из озера протекла через Вельд в Английский канал и образовала крупную впадину, которая в результате эрозии постепенно увеличилась, и на её месте образовался Дуврский пролив.

Во время девенсийского оледенения, около 10 тысяч лет назад, когда Северное море и почти все Британские острова были покрыты слоем льда, уровень моря был примерно на 120 метров ниже современного. Большая часть Ла-Манша и Северного моря была в то время покрыта тундрой, которая в 12 000 году до н. э. простиралась до северной оконечности Шотландии.

Свидетельства, в том числе контуры современного морского дна, показывают, что в эпоху последнего оледенения водораздел между Северным морем и Ла-Маншем проходил от Восточной Англии на юго-восток до Хук-ван-Холланда, а не через Дуврский пролив и что реки Темза, Маас, Шельда и Рейн, соединяясь, текли по течению Ла-Манша в виде широкой реки, которая в конце концов впадала в Атлантический океан. Около 8000 года до н. э. северное побережье массива суши, Доггерленд, представляло собой береговую линию с лагунами, болотами, приливными берегами и пляжами. Возможно, в эпоху мезолита эта территория была богатейшей в Европе с точки зрения охоты, добычи птицы и рыболовства.

Предполагается, что постепенный подъём уровня моря в результате таяния ледника (окончание последнего оледенения) привёл к затоплению Доггерленда Северным морем, что отрезало Британию от Европейского континента около 6500 года до н. э. На месте будущей песчаной отмели, известной в настоящее время как Доггер-банка, согласно данной гипотезе, продолжал существовать остров по крайней мере до 5000 года до н. э.

Согласно альтернативной, выдвинутой недавно гипотезе, большая часть данной земли была затоплена цунами около 8200 лет назад (6200 год до н. э.), вызванным одним из крупнейших в истории оползней – дрейфом области подводного грунта от побережья Норвегии, известным как Стурегга. Согласно этой теории, цунами, вызванное оползнем, сыграло катастрофическую роль для мезолитического населения данной местности. В результате цунами, как представляется, Британия была окончательно отделена от континента и с культурной точки зрения мезолит на ней пошёл своим путём. [164]

В итоге получается у нас логичная, вяжущаяся со здравым смыслом картина. Одни носители I-гаплогруппы, кто пережил ледниковье на юго-западе Европы, в Испании, на юге Франции, на Сардинии и на дне моря между ними, начали сдвигаться на север примерно по тер-

ритории нынешней Франции. Те, кто здесь в процессе движения задерживался, оставались, прорастали азильскими и затем совтерскими технологиями. Другие же пошли дальше, неся с собою приобретённые в процессе перемещения азильские культурные признаки. Далее они дошли до севера, до Бельгии и Голландии, зашли на Британский тогда полуостров, где – в иных природных и охотничьих условиях! – сформировали ряд пост-азильских, постмадленских культур. Так, на территории нынешней Британии развилась кресвельская культура. Она, в свою очередь, имеет сильное сходство с культурой федермессер на теперешнем континенте, а параллельно и через неё – с гамбургской и аренсбургской культурами.

Эти культуры принадлежат, как видно из археологии, охотникам за оленями, откуда непротиворечиво подтверждается, что различия в разных вариантах позднего мадлена происходили из того, что в разных географических зонах люди охотились на разных животных. Ну, если совсем условно: гамбургцы – на оленей, а азильцы – на медведей.

На это время из гаплотипированных захоронений приходится одно в пещере Blätterhöhle возле города Хагена. Это в сердце Рурского промышленного района в Германии, недалеко от Голландии. Любопытно, что на этой стоянке найдена керамическая посуда.

Люди здесь жили довольно долго – с 11 210 лет назад до 10 638. То есть 600 лет, причём возраст останков практически последовательный – 10 796–10 748–10 652–10 638 лет назад. Почти каждое поколение. Здесь мужских гаплогрупп не приводится, а женские – достаточно пёстрые: U2e, U5b2a2, U/K, U5a2c3*, U5a. Сюда же примыкают останки парня из Falkensteiner Höhle (9410–8990 cal лет назад) с Y-гаплогруппой F (реликт!) и митохондриальной, вполне ему современной – U5a2c.

К северу же смещаются и альпийские I-горцы, идя, скорее всего, вдоль Неккара и Рейна. Два маршрута продвижения людей I соединяются на северо-западе нынешней Европы – север Франции, Англия, Северная Германия с Данией.

Глава 2. Новая волна переселения

А теперь вернёмся к тем, кого «потеряли» по пути, то есть к тем, кто задержался во Франции. Вот среди этих консерваторов поздний мадлен и пророс в совтерскую культуру.

Культура занимала значительную часть Западной и Центральной Европы. Характерные артефакты: геометрические микролиты, углубления для пальцев на рубилах. Деревянные орудия отсутствуют. Имеются свидетельства совершения ритуальных погребений. [164]

В этом времени и месте (L'abri des Cabônes возле городка Ranchot между Дижоном и Безансоном во Франции) у нас есть находка женщины с гаплогруппой U5b1.

Совтерская культура в период с 10 до 9 тысяч лет назад эволюционировала в *тарденуазскую* (с теми же отличительными характеристиками), которая существовала с 9 до 6 тысяч лет назад. Она постепенно распространяется на места обитания прежних культур – в Бельгию, Англию и Германию, а её варианты отмечаются на Пиренейском полуострове.

Отмечается, что на ней –

– *заметно сильное влияние североафриканской капсийской культуры.*

Кроме того, –

– *на Иберийском полуострове, а также в Южной Германии в могильниках встречаются следы негроидного влияния.*

При этом опять же отметим её варианты: –

– *в Юго-Западной Франции – тёнгерская культура, на территории Прованса – кастельновская культура, а в Северной Европе – маглемозе. [164]*

И ещё отметим: это уже культура мезолита, среднего каменного века, когда технологии пошли именно что разливаясь потоком по человечеству – неглубоким, но широким. Оно и понятно: распространяется само человечество. Люди уже не жмутся возле пещер. Те же носители тарденуаза, например, с её вариантами живут на открытых местах, на холмах, кочуют вдоль рек и по морским берегам, охотятся с луками и стрелами, преимущественно на оленей, быков, кабанов, уверенно добывают рыбу, а также моллюсков, отчего остались на стоянках гигантские скопления раковин. Прогресс в присвоении растительных богатств – чувствуется, что вот-вот будет открыт способ заготавливать их себе на будущее путём посадки в землю.

Здесь уже, как говорится, в количествах фиксируются носители гаплогруппы I. Дядечка в Cuiry-lès-Chaudardes (Северо-Восточная Франция, возле Реймса) – 8360–8050 cal лет назад с мамой из U5b1b. И ещё один мужчина из Veru-au-Val – буквально сосед, в 10 километрах (!), но, правда, и на десять веков позже – 7320–7170 cal лет назад (мама из U5b1a).

Прадедушки Хёгни-I1 тут явно нет: ветвь I1 с её основными мутациями M253, M307, R30 и R40 к этому времени должна была уже обособиться и от I, и от I2. Исследователи указывают на период 20–15 тысяч лет назад, что, как кажется, можно соотнести с глобальным изменением и климата, и всей жизни после начала конца пика Вислинского оледенения.

Вот что говорят те люди, которые делали мой генетический анализ: *«Гаплогруппа I1 является коренной европейской гаплогруппой. Большинство современных носителей гаплогруппы I1 составляют носители германских языков индоевропейской семьи, хотя первоначально данная гаплогруппа была связана, по-видимому, не с индоевропейскими народами, а с догерманскими (культура воронковидных кубков)».*

А вот зато I2 от I обособилась, похоже, раньше – ещё во время ледникового сидения в «Балканском убежище»:

Группа I2 возникла, возможно, на Балканах (или даже в Анатолии, где в 2011 году были обнаружены древнейшие побочные ответвления этой клады) и распространилась по Южной, Центральной и Восточной Европе... Субклад I2-M423 характерен для населения Балкан и Карпат, чаще всего наблюдается у динарийских славян (сербы, хорваты и боснийцы), а также в Молдове и на Юго-Западной Украине. /164/

Разошлись эмигранты от ледника и по технологиям – одни, балканские, сохранили граветт (который в эту же эпоху перерос в эпиграветт), а другие (французские) приобрели, как уже говорилось, мадлен. Который и потащили потом с собою на север, когда этот жестокий Вюрм-Висла-Валдай начал отступать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.